

Ж. А. Вардзелашвили
Грузинский технический университет

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ СЛОВА-СИМВОЛА В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Слово является одним из наиболее сложных объектов научного осмысления, что обусловлено его двойственной семиотической природой. Особую сложность в свете новейших подходов в лингвистике представляет описание слов, которые несут большие смысловые нагрузки. Такие слова прошли путь от названия реалии в языке до коллективного символа в культуре. Слово-символ может быть прочитано как имманентный номадический текст, который переходит из эпохи в эпоху или из культуры в культуру. На основе интегративной комплексной методики автор предлагает вариант прочтения универсального слова-символа “вода” в русской и грузинской лингвокультурах.

Ключевые слова: язык, слово, символ, номадический текст культуры.

В современной лингвистике стало почти трюизмом говорить о том, что каждый язык видит свой собственный мир, что каждый народ, пытаясь осмыслить мироустройство, созерцая и познавая, давал названия тем предметам и явлениям, которые выделял из окружающего как наиболее важные – “постоянно” существующие или циклически повторяющиеся. В разных языках слова-знаки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его, о чем еще в XIX в. размышлял крупнейший теоретик языка В. фон Гумбольдт.

Благодаря стремительному прогрессу современной лингвистики, который, в том числе, связан с ее активным взаимодействием с другими формами научной рациональности (когнитивизмом, психологией, логикой, культурологией, семиотикой, социологией, нейронауками и др.), считается признанным, что язык отражает познание и является основным средством выражения мысли, а в рамках господствующей антропоцентрической парадигмы актуализируется идея о том, что мышление не просто зависит от языка, но до известной степени обусловлено им. Сегодня даже начинающие филологи оперируют понятиями “языковая картина мира”, “ключевые слова культуры”, “универсальное” и “этно-маркированное”. Однако при скрупулезной работе с языковыми данными наполнение этих относительно новых терминов требует, порой, уточнения: любая выстраиваемая гипотеза априори имеет ограничение, заданное самой природой языка, синергией его материального и идеального начал. А в свете многообразия теорий новейшей лингвистики, опирающихся на качественно новые принципы (экспланаторности, объяснительности, экспансионизма и др.), которые не только расширяют исследовательское поле, но позволяют также решать традиционные вопросы с новых позиций, данный факт может распространяться и на ряд фундаментальных терминов языкознания, включая

исходное лингвистическое понятие “слово”. Существенно, что слово в языкознании традиционно является одним из наиболее сложных объектов научного осмысления, что обусловлено его двойственной семиотической природой, комбинаторикой его материальной и идеальной составляющих. В. Г. Гак в словарной статье “СЛОВО” для Лингвистического энциклопедического словаря, обобщив наиболее повторяющиеся в лингвистических штудиях признаки, предлагает следующую дефиницию понятия: “Слово – основная структурно-семантическая единица, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфических для каждого языка” [4, с. 464].

Этот термин может быть приложен к различным аспектам анализа языка: как системы и как структуры, как пространства вербализации мысли в соответствии с языковой схемой-структурой конкретного языка, что открывает доступ к высшей степени сложности когнитивным механизмам. Все, что окружает человека во внешнем мире, все, из чего плетется ткань бытия, стремится быть названным в языке. Слово позволяет категоризировать мир, оценивать, выстраивать и поддерживать оппозиции: *свет – тьма, жизнь – смерть, мужское – женское, добро – зло, свои – чужие...* Между словом и предметом устанавливаются интеллектуальные отношения. За его материальной оболочкой совершается колоссальная работа по умножению и структурированию значения – дальнейшей концептуализации понятия, “схваченного” знаком. Язык имманентен культуре, следовательно, термин “слово” необходим и для анализа языка как продукта культуры и как ее части, как области формирования культурных кодов, в котором фиксируется коллективное знание этноса, в том числе, и донаучное. Семантический потенциал отдельных слов может расширяться вместе с расширением границ мира, и тогда слово становится не только номинацией предмета или события, но и точкой опоры в неизвестном. Оно стимулирует продвижение мысли к дальнейшему осмыслению реалии через интуитивно ясные отношения сходства. Когда мы не спеша смотрим на бабочку, мы не удивляемся возникающим в сознании связям: *бабочка – душа – легкость – скоротечность...* Так начинается творчество, в результате которого в сознании рождается образ-констелляция, а в языке – новое “семантическое сцепление”, аномалия в отношениях между образом, который ищет имя в языке, и уже существующим словом, которое дает ему имя, расширяя свою семантическую “территорию”. Слово может ограничивать свое значение, не впуская в семантическое поле то, что в названном им предмете немислимо с позиций логики говорящего на данном языке народа. И вместе с тем, слово может расширять собственные границы,

пропускать в свои содержания смысловые элементы, казалось бы, несовместимых значений. Слово как вербальный знак – это трансфер между миром идеальным и рациональным, а слово, сформировавшееся в отдельной языковой культуре, – это история познания, отражение мировидения, переживание, творчество, предельное обобщение, в котором бесформенная материя содержания, сотканная из густого культурного контекста и экзистенциального опыта “Я-говорящего”, парит над телом знака.

Именно поэтому к таким общепризнанным хрестоматийным характеристикам этой номинативной единицы, как цельнооформленность, выделимость и свободная воспроизводимость в речи, добавляются и уточняющие научные критерии, которых по данным Словаря лингвистических терминов насчитывается около семидесяти [11]. Очевидно, что это число будет увеличиваться, поскольку исследовательская призма, помещенная в трехмерную систему координат “язык – мышление – культура”, меняет преломление угла света, направленного на объект.

В последовательно развиваемом нами подходе слово понимается как ментальный фрейм-конструкт, который формируется в результате синхронизации когнитивных и языковых процессов, номинирующих реальию и вербализующих в объекте систему связей элементов, которые, преимущественно, мотивированы культурным кодом этноса, а не объективным научным знанием. Методологические презумпции и разработанная методика анализа подробно представлена нами в работах: “Наномасштабное исследование лексических единиц” (2002), “Наносмыслы лексических структур” (2003), “Экзистенциальная природа словесного знака” (2005), “Лексическая система как культурно-маркированная понятийная система” (2007), “Слова обыденной картины мира как факты языка и события культуры” (2011), “От лексемы к контексту (интертекстуальные коннотации понятия)” (2014), “Интегративный анализ динамики семантических трансформаций смыслового пространства слова” (2016) и др.

Еще в начале прошлого века, предвосхищая современные подходы, философ Густав Шпет заметил: “В метафизическом аспекте ничто не мешает и космическую вселенную рассматривать как слово” [15]. Но если перевернуть эту метафору, то и отдельно взятое слово может быть рассмотрено как космос, как гносеологический континуум, свернутый во внутренней форме знака. И тогда предметом анализа становится слово, прошедшее путь от обозначения вещи через логику познания к переживанию, творчеству, интуиции, символизации. Такое предельное обобщение может уводить от прямой связи с референтом, а означаемое в нем не всегда эксплицитно отождествляется с означающим, но это слияние присутствует в паутине ассоциаций, которые могли родиться именно в данной культуре, в данной системе идей, на фоне данного ландшафта. Естественно, что речь

идет о словах, несущих в культуре большие смысловые нагрузки (в различной терминологии: опорные концепты, ключевые слова). Прорастая из обыденного, где они дали имя вещи или явлению, такие слова поднимаются вверх над бытовой речью, разрастаются в объеме, наполняются элементами смыслов и сами же излучают энергию дальнейшего смыслопорождения. И это уже не бытование слова-имени в языке, а бытийность слова-символа в культуре.

Согласно нашему допущению, такие слова-символы могут быть прочитаны как номадические (греч. *nomades* – кочевники), т. е. “кочующие” тексты культуры. Допущение основано на идее М. Лотмана о том, что не существует никаких априорных и объективных качеств, делающих нечто текстом; в тексте заложена такого же рода семиотическая двойственность, что и в знаке: текст имманентен и самодостаточен (семантический универсум), с другой стороны, текст включен в культуру и является ее частью [8, с. 15–18]. Следовательно, и слово-символ может быть охарактеризовано как семиотически двойственный знак, как семантический универсум, имманентный и самодостаточный текст, “кочующий” от поколения к поколению в пределах лингвокультуры, либо из культуры в культуру, если речь идет об универсальных цивилизационных понятиях, например: *земля, вода, Бог*.

Предметом анализа при таком подходе является не только содержательное значение слова, но и формирование его многозначности в лингвокультуре, связанный со словом коллективный метафорический образ (узуальные метафоры, вошедшие в общий языковой фонд), “восхождение” слова к коллективному символу (аксиологическое осмысление референта, идеи и целые системы идей, не выраженные, но присутствующие в языке действительности). Семантическое и символическое пространство таких слов, сохраняя константную составляющую (сема-прототип), которая непротиворечивым образом поддерживает связь элементов системы, может не только раскрываться “гибким веером значений”, но и сворачиваться до описательного минимума словарной дефиниции. Существенно, что и в этом качестве слова-символы повторяют свойство текста, глубина понимания которого зависит от мира читателя, в данном случае, – носителя языка и культуры.

Предложенный возможный прием исследования слов-символов базируется на комплексной методике, которая интегрирует интра- и экстралингвистические аспекты анализа. Она состоит из синхронического и диахронического анализа лексемы по лексикографическим источникам, анализа соответствующей области паремиологического фонда языка, а также культурологической информации с привлечением энциклопедических данных, интроспекции и герменевтического анализа дискурсивных

реализаций слова. Перечисленные процедуры в совокупности дают возможность реконструировать комплекс смыслообразующих связей языковой единицы, в котором синхронизированы бытийное, историческое, рациональное и иррациональное. Каждый элемент комплекса – это конкретизация многообразия, а весь комплекс, понятый как “единство многого”, образует “символическую реальность” слова, которая основывается на культурных традициях, задает модели поведения и передается в культуре как ценность. Номадический текст культуры, свернутый во внутренней форме знака и прочитанный по вербализованному референту, мы понимаем как трансцендентное означаемое, в котором “сканируются” культурные эпохи, культурные доминанты цивилизационных ареалов, временные и топологические точки языкового сознания.

Проследим действие предложенного алгоритма на примере универсального обыденного понятия “вода” в русской и грузинской лингвокультурах. Выбор объекта анализа обоснован следующим: вода, наряду с огнем, воздухом и землей, является изначальной данностью, первоэлементом мироздания, одним из древнейших архетипов сознания. Эти четыре стихии могут быть описаны как изначальная модель мира, как набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира практически универсальный характер. Их глубочайшая древность и связь на уровне архетипического сознания верифицируется, к примеру, грузинской коллокацией “mitsa-tskali” (земля-вода в значении “родина”) и русской фольклорной сентенцией: “Царь огонь да царица *водица*”. Для древнего человека вода является связующим элементом первостихий: ‘союз воды и земли создает замес, материал для лепки, творчества’, а “союз воды и огня – материальный образ горячей влажности, который в космогонических теориях порождает все формы жизни” [6]. На древнейшее осознание места водной стихии в мировом порядке указывает и множество универсальных архетипических метафор и образов в мировой культуре: *река времени; все течет, все меняется; в одну и ту же реку нельзя войти дважды...* Как свидетельствует Дж. Трессидер, автор Словаря символов [12], во всех известных легендах о происхождении мира жизнь произошла из первородных вод. Таким образом, в основе универсального осмысления воды лежит архаичное мировосприятие, которое согласуется и с первыми философскими осмыслениями мира. Так, у Фалеса Милетского вода – начало и конец мира: “все появляется из воды и в воду все разлагается” [13, с. 109]. В более поздней, библейской картине творения, вода помещена у истоков мира: “Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной, и Дух Божий носился над водой” [Быт. 1: 1–2] [1]. Образ чистой воды – величайшая и непреходящая символическая ценность человеческого бытия. В традициях культур различных регионов и разных эпох вода участвует в ритуалах,

связанных с сакральным переходом человека из одного состояния в другое. В христианстве вода – символ крещения, очищения от грехов, символ рождения человека для новой жизни во Христе.

Итак, этот природный объект стал сквозным универсальным образом, который пронизывает картину мира любого народа, “перетекает” во времени из культуры в культуру, охватывая любые человеческие структуры: культурные, социальные, личностные. Вода порождает множество универсальных узуальных метафор, например: *море бушует, река бежит, источник пьет; океан слез, море цветов, водопад волос*. Полагаем, все сказанное является достаточным обоснованием для допущения о восхождении слова “вода” к коллективному символу, который может быть “прочитан” как номадический текст культуры.

В Большом толковом словаре русского языка (БТС–2000) под редакцией С. А. Кузнецова лексема “вода” представлена пятью ЛСВ: “1. Прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом. 2. только мн. ч.: Минеральные источники, курорт с такими источниками. 3. Водное пространство, моря, реки и т. п., его пространство, уровень. 4. Чистота окраски, блеска, прозрачности драгоценного камня. 5. только мн. ч., разг.: Жидкость, окружающая плод в течение беременности и предохраняющая его от толчков и давления; околоплодные воды.” [7]. Компонентный анализ лексемы позволяет выделить основной набор сем в русском языке: *жидкость + бесцветная + прозрачная + пространство + чистота*. Сопоставим с данными Толкового словаря грузинского языка [14]. Компонентный анализ дает следующий ряд основных сем понятия в грузинском языке: *жидкость + бесцветная + прозрачная + разновидность жидкости + гибкость, ловкость, притягательность*”.

Представляется логичным, что на уровне сопоставительного компонентного анализа лексем в универсальном понятии “вода” доминируют совпадения. Однако анализ выявляет и расхождения, которые мотивированы символической реальностью – культурой и ландшафтом, фокусирующими взгляд на реалию и задающими вектор ее осмысления.

На уровне семного анализа было установлено, что в понятийном поле лексемы “вода” грузинское языковое сознание не закрепляет значение “пространство”, но передает этот смысл осложненной семой “разновидность жидкости”: *вода реки, вода ручья* и т. д., где генитивная конструкция содержит имплицитный смысл “разновидность водного пространства”. На наш взгляд, указанное расхождение в осмыслении объекта связано с масштабом водных пространств в России и Грузии.

Характерно, что в грузинском языковом сознании в качестве устойчивого значения закрепляется сема, которую можно перевести как

“гибкость, ловкость, притягательность” (ЛСВ 4). Отметим, что в словаре рядом с ЛСВ 4 нет никаких помет, которые бы указывали на переносное значение или стилистически маркировали бы его. Можно предположить, что оценка реалии, произошедшая в исторической перспективе, привела к категориальному сдвигу, который устойчиво закреплён внутри лексико-семантического поля в качестве значения. Полагаем, что эта сема, структурирующая ЛСВ 4 значения “вода” в грузинском языке, – результат акта вторичной номинации, разновидность стертой образности, так называемое, “безобразное” производное значение. В подобных лексических явлениях связь с исходным значением принято реконструировать через логически вычлняемый отвлеченный признак, релевантный как для производного, так и для исходного значения. В данном случае связь с исходным значением “вода” реализуется через сходство по функции.

Вода в пространстве Грузии – это преимущественно быстрые горные потоки, наделенные силой и энергией прокладывая себе дорогу среди груды камней, ловко огибая природные препятствия на пути. Русло этих рек огибает валуны и глыбы, продолжая свой стремительный бег. Вода в них бурлит и сверкает, она живая, полна сил и энергии движения. Поэтому в грузинской языковой картине мира все интeрпретанты, связанные с водой, основываются на динамичных, жизненных силах воды, что существенно с культурологических позиций. Эти функциональные признаки логически восстанавливаемы и, как представляется, релевантны для исходного производного значения. Отсутствие пометы в словаре, указывающей на акт вторичной номинации, является свидетельством семантических транспозиций, произошедших на диахроническом уровне, устойчиво закрепленных в грузинском языковом сознании и вводящих в целый ряд установок, принятых в грузинской лингвокультуре.

Совпадающими в обеих лингвокультурах являются универсальные коллокации типа “*лить воду / толочь воду*” (tsklis pauva) в значении пустословия, безделья, занятия ненужным делом. Как самая дешевая жидкость вода в обыденной речи может становиться и ироническим заместителем любой дорогостоящей жидкости: *вода, а не чай, не вино; кофе как вода; Богато живем – сполна воду пьем*. А также как пейоративная или мелиоративная оценка речи или ее содержания: *слова как вода, воды в рот набрать* (молчание); *переливать из пустого в порожнее*; *слова льются рекой* и т. д. Полагаем, что коллокации этого ряда могли возникнуть только на фоне изобилия и доступности воды в сопоставляемых ареалах.

У воды множество форм: океан, моря, озера и реки, ручьи, болота. Она прозрачная, чистая, свежая. Эта вода утоляет жажду, дает жизнь человеку и земле. К такому восприятию восходит символизация светлого, очищающего, начала воды. Такая вода – это жизнь. Но вода может быть мутной, грязной,

бушующей. И тогда она несет разрушение и смерть. Отсюда зафиксированное почти во всех языках мира двойственное отношение к водной стихии, универсальная экзистенциальная связка, в которой сливаются в узел два самых напряженных понятия “жизнь и смерть”.

По мнению ряда ученых, уникальной является закреплённая в русской картине мира оппозиция “живая – мертвая” вода. В сказочных мотивах такая вода используется как исцеляющая сила. Причем, в русских волшебных сказках исцеляющей силой наделена не только живая, но и мертвая вода. Хотя в целом в русском фольклоре понятие “живая вода” закреплёно за водой рек, ручьев, источников, т. е. за движущейся водой, а понятие “мертвая вода” – за водой болот и стоячих водоемов. Полагаем, что вектор символизации можно представить следующим образом: *вода* → *жизнь* → *смерть*, который восходит к архаичному миропониманию.

В грузинском языковом сознании как доминантная характеристика понятия закрепляется жизнеутверждающее начало воды. Обращает на себя внимание уникальный, качественно иной в сравнении с выявленным в русской языковой картине мира, вектор символизации свойств воды: на семантику очищающей силы воды здесь накладывается пласт “*вода* → *благодать*”. Словарные дистрибуции лексемы “благодать” (грузинск.: *madli*) в обоих языках почти совпадают, и в качестве ЛСВ 1 дают значение, которое основано на христианском миропонимании. Исходя из языка статьи, здесь приводится фрагмент из Большого толкового словаря русского языка: “БЛАГОДАТЬ. 1. По представлениям христиан: благо или изобилие благ, ниспосланные свыше; Божья помощь, покровительство. 2. Разг. О чем-л. очень хорошем, доставляющем наслаждение, радость и т.п. 3. в функц. сказ. *Высок*. О состоянии покоя, умиротворенности (природы, окружающего мира или человека).” [7]. Но необходимо подчеркнуть, что в грузинском варианте лексемы присутствуют и семы “любовь / *siyvaruli*”, “сила / *dzala*”, “дар / *nitchi*”, “добродетель / *keTili saqme*”, данные человеку во исполнение Божьей воли. Следовательно, на эксплицитном уровне выявляется некоторое различие в степени осмысления понятия.

В результате семантических преобразований вода в грузинской языковой картине мира стала образом, формирующим семантическое поле из сферы духовной и социальной жизни человека: “милость / милосердие”: *tskali* (вода), *shetskaleba* (помилование), *tsakaloba*, *motskaleba* (доброжелательность, милость), *satskali* (бедный-несчастный, тот, кто нуждается в милости), *mtskalobeli* (милующий), *shemtskale* (милосердный), *upalo*, *shemitskale!* (Господи, помилуй!), коллокация *tskali mitevebisa* (крещенская вода, дословно: вода прощения). Таким образом, природный объект осмысливается и прорастает в менталитете грузинского народа как

нечто бесценное, исключительное, как милосердие, очищение, помилование, успокоение.

Уже цитируемый выше Дж. Трессидер в Словаре символов указывает на особо почтительное отношение к свежей воде как очищающему элементу, но в религиях тех стран, где запасы воды были скудны (иудейские, христианские и индийские ритуалы очищения или крещения). Считаем, что эту мысль исследователя можно принять лишь частично. Россия с ее бескрайними водными просторами никак не может быть отнесена к засушливым регионам мира. Вода и грузинской земле дана в изобилии, ее территория обильно орошается чистыми водами горных ледников. Данные обеих лингвокультур свидетельствуют о том, что так же, как и для жителей засушливых регионов, вода в них – это, прежде всего, жизнь, милость, благо, великая очищающая сила. В этой связи приведем мысль Мамардашвили – Пятигорского, согласно которой вода может быть понята как философское понятие “мировое событие”, т. е. событие, пронизывающее любые эпохи в истории человечества и любые социальные и личностные структуры. Так, потоп – это событие природы, которое в человеческом сознании стало мировым событием, событием-символом [9]. Как пишет в своем культурофилософском очерке Н. Г. Красноярова, “среди смысловых оттенков образа чистой воды – ее свежесть, вносящая в природу и в человека очищение. Обряды очищения имеют ценность и смысл как процесс возрождения. Путем очищения человек приобщается к некоей живительной возрождающей силе, которой наделяется каждая капля жидкости” [6]. Выскажем предположение, что вода-очищение, вода-возрождение также стало мировым событием-символом, элементом, формирующим смысл номадического текста слова “Вода”.

Сопоставительный анализ единиц в русской и грузинской лингвокультурах с применением комплексной методики позволил установить в понимании языковых универсалий национально-маркированные компоненты, мотивированные всем культурой и ландшафтом, на фоне которых в исторической вертикали пишется текст слова-символа “Вода”. А энергия дальнейшего смыслопродления подтверждается индивидуально-авторскими образами, как например, окказиональное развитие семантической сцепки “вода-время” у Бродского, которое он неожиданно измеряет стаканами: “...Я просто считаю, что есть образ времени, и под всякий Новый год, в несколько языческом духе, стараюсь оказаться у воды <...>, чтобы застать всплытие новой порции, нового стакана времени” [2]. Отметим, что в многочисленных интервью Бродский не раз говорил о своем повышенном интересе к воде (“водичке”), считая ее, как и облака, самыми “многособытийными”. И эта мысль гениального автора возвращает нас к началу разговора о слове как символическом свитке культуры.

В “Опыте общей теории лексикографии” Л. В. Щерба заметил: “каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии” [16]. К числу таких слов, безусловно, относится и слово “вода”, однако параметры статьи ограничивают в представлении проанализированного материала во всей полноте. Тем не менее, полагаем, что изложенное выше подтверждает гипотезу: лексема “вода” является универсалией, свернутым в словарной дефиниции словом-символом с набором этно-маркированных компонентов, который может быть прочитан как одноименный номадический текст, “кочующий” от поколения к поколению и из культуры в культуру.

Л и т е р а т у р а :

1. Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод арх. Никифора. – СПб., 1891.
2. *Бродский И.* Поклониться тени / Иосиф Бродский. – СПб., 2000. – 248 с.
3. *Вардзелашвили Ж. А.* Слова обыденной картины мира как факты языка и события культуры [Электронный ресурс] / Ж. А. Вардзелашвили. – Режим доступа : <http://vjanetta.narod.ru/granada11.html>.
4. *Гак В. Г.* Слово / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2000. – С. 364.
5. *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – М., 1984.
6. *Красноярова Н. Г.* Природа как концепт культуры : опыт культурофилософского очерка реки, воды, потока / Н. Г. Красноярова // Гуманитарные исследования. Ежегодник : межвуз. сб. науч. тр. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – Вып. 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpi-15.pdf>.
7. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.
8. *Лотман М. Ю.* История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – СПб., 2002. – 768 с.
9. *Мамардашвили М. К.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М., 1997. – 85 с.
10. *Орбелиани С.-С.* Лексикон грузинский / С.-С. Орбелиани. – Тбилиси, 1991.
11. Словарь лингвистических терминов. – М., 2012. – 576 с.
12. *Трессидер Дж.* Словарь символов / Дж. Трессидер. – М., 1999. – 448 с.
13. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. 1. – М., 1989.
14. *Чикобава А.* Толковый словарь грузинского языка / А. Чикобава. – Тбилиси, 1960.
15. *Шпет Г.* Эстетические фрагменты [Электронный ресурс] / Г. Шпет. – Режим доступа : <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shpet01.htm>.
16. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm>.

R e f e r e n c e s :

1. Bibliya. Vetkhiy i Novyy zavety. Sinodalnyy perevod arkh [Bible. Old and New Testaments]. Nikifora. – SPb., 1891.
2. *Brodskiy I.* Poklonitsya teni [To Please a Shadow] / I. Brodskiy. – SPb., 2000. – 248 s.
3. *Vardzelashvili Zh. A.* Slova obydennoy kartiny mira kak fakty yazyka i sobytiya kultury [Words of the everyday picture of the world as facts of language and cultural happening] [Elektronnyy resurs] / Zh. A. Vardzelashvili. – Rezhim dostupa : <http://vjanetta.narod.ru/granada11.html>.
4. *Gak V. G.* Slovo [Word] / V. G. Gak // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. – M., 2000. – 464 s.
5. *Dal V. I.* Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda [Proverbs and sayings of the Russian people] / V. I. Dal. – M., 1984.
6. *Krasnoyarova N. G.* Priroda kak kontsept kultury : opyt kulturofilosofskogo ocherka reki, vody, potoka [Nature as a concept of culture : the experience of a culturophilosophical essay on the river, water, flow] / N. G. Krasnoyarova // Gumanitarnyye issledovaniya. Ezhegodnik : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Omsk : Izd-vo OmGPU, 2006. – Vyp. 11 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-15.pdf>.
7. *Kuznetsov S. A.* Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [Great Dictionary of Russian language] / S. A. Kuznetsov. – SPb., 2000.
8. *Lotman M. Yu.* Istoriya i tipologiya russkoy kultury [History and typology of Russian culture] / M. Yu. Lotman. – SPb., 2002. – 768 s.
9. *Mamardashvili M. K.* Simvol i soznaniye. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language] / M. K. Mamardashvili, A. M. Pyatigorskiy. – M., 1997. – 85 s.
10. *Orbeliani S.-S.* Leksikon gruzinskiy [Lexicon Georgian] / S.-S. Orbeliani. – Tbilisi, 1991.
11. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. – M., 2012. – 576 s.
12. *Tressider Dzh.* Slovar simvolov [Dictionary of symbols] / Dzh. Tressider. – M., 1999. – 448 s.
13. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov [Fragments of the early Greek Philosophers]. – Ch. 1. – M., 1989.
14. *Chikobava A.* Tolkoviy slovar gruzinskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Georgian Language] / A. Chikobava. – Tbilisi, 1960.
15. *Shpet G.* Esteticheskiye fragmenty [Aesthetic Fragments] [Elektronnyy resurs] / G. Shpet. – Rezhim dostupa : <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shpet01.htm>.
16. *Shcherba L. V.* Opyt obshchey teorii leksikografii [The experience of the General Theory of Lexicography]. [Elektronnyy resurs] / L. V. Shcherba. – Rezhim dostupa : <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm>.

Вардзелаішвілі Ж. А. Семіотична подвійність слова-символа в лінгвокультурі.

Слово є одним із найбільш складних об'єктів наукового осмислення, що обумовлено його подвійною семіотичною природою. Особливу складність у світлі новітніх підходів у лінгвістиці представляє опис слів, які мають велике смислове навантаження. Такі слова пройшли шлях від назви реалії в мові до колективного символу в культурі. Слово-символ може бути прочитаним як іманентний номадичний текст, який переходить з епохи в епоху або з культури в культуру. На підставі інтегративної комплексної методики автор пропонує варіант прочитання універсального слова-символа “вода” у російській і грузинській лінгвокультурах.

Ключові слова: мова, слово, символ, номадичний текст культури.

Vardzelashvili J. A. Semiotic duality of word-symbol in linguistic culture.

The word is one of the most complicated objects of scientific comprehension, which is due to its dual semiotic nature. From the standpoint of the newest approaches in linguistics, the description of words that carry great semantic loads is of particular difficulty. Such words have gone from the name of reality in the language to the collective symbol in culture. The word-symbol can be read as an immanent text, which passes from an epoch to an epoch or from culture to culture. Based on the integrative complex methodology, the author proposes a variant of reading the universal word-symbol “water” in Russian and Georgian Linguistic Cultures.

Keywords: language, word, symbol, nomadic text of culture.

В. А. Ляшчынская
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны

ФРАЗЛАГІЗМЫ З КАМПАНАМЕНТАМ ЛЕД У ФРАЗЕЛАГІЧНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ

У артыкуле на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай мовы, аб'яднаных наяўнасцю кампанента “лед”, выяўляецца ўласцівая ім культурная інфармацыя, перададзены і захаваны ўстойлівы каштоўнасны змест культуры беларусаў, яе катэгорый і сэнсаў, што звязаны з ледам як найменнем віду вады-рэчыва ў цвёрдым стане. Устанаўліваецца ўзаемадзеянне мовы і культуры народа з дапамогай фразеалагізмаў, якія часткова рэпрэзентуюць канцэпт “вада” як фрагмент фразеалагічнай карціны свету беларусаў у дыяпазоне культурна-нацыянальнай самасвядомасці, а таксама аб'ектывуюць у асноўным прыродны, дзейнасны і прасторавы коды культуры.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент, лед, вобраз, культурная інфармацыя, ацэнка, сімвал, эталон, стэрэатып.

Увага лінгвістаў да фразеалагічных адзінак, што ўласцівы кожнай мове, у святле дзеяння сучаснай антрапацэнтрычнай накіраванасці вывучэння мовы і яе адзінак зусім заканамерная, паколькі гэтыя адзінкі лічацца найбольш “культураноснымі”, здольнымі даносіць з глыбінь мінулых часоў “скрытыя культурныя сэнсы, выконваць ролю знакаў “мовы” культуры” [7, с. 683]. А іх вывучэнне дазваляе ўстанавіць і вызначыць вытокі культуры народа, бо фразеалагізмы ў нязменнасці формы і зместу захоўваюць звесткі аб характаралагічных рысах менаталітэту народа-стваральніка і носьбіта гэтых